

АВДОТЬЯ
Никитична
И ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕЛО
следвателя

АЙРИН ВАЛЕРИ

18+

Айрин Валери

**Авдотья Никитична и
последнее дело следователя**

«Автор»

2026

Валери А.

Авдотья Никитична и последнее дело следователя / А. Валери —
«Автор», 2026

Аннотация к книге "Авдотья Никитична и последнее дело следователя" Авдотья Никитична хоть и бабушка, но уж точно не “божий одуванчик”! Деревенская ведьма и ее верный фамильяр кот Василий берутся за расследование серии загадочных самоубийств в тихой, на первый взгляд, деревне "Дымкино". Прибывший разобраться следователь сам, кажется, связан с этой зловещей историей. Получится ли у главных героев распутать клубок деревенских тайн, пока жертв не стало больше?! Атмосферный мистический детектив с элементами ужаса. Держит до последней страницы и не оставит тебя равнодушным! Эта книга – настоящее испытание для твоих нервов, которое ты не захочешь пропустить.

© Валери А., 2026

© Автор, 2026

Айрин Валери

Авдотья Никитична и последнее дело следователя

Глава 1. Утренний переполох

Среди утренней тишины раздался звук бьющегося стекла. Бабка Авдотья открыла глаза и ахнула:

– Ух, шо я тебя, паразит такой! – прикрикнула она на чёрного пушистого кота по кличке Василий. Такое имя ему досталось в честь прежнего кота, как и восьми другим до него. Однако у этого кота, в отличие от других, были необыкновенные глаза василькового цвета. Когда Евдокия была в особенно хорошем настроении, кот был Василек.

Вставая с кровати, бабка взяла с тумбочки бежевый гребень с узором в виде цветов и зачесала им волосы. Взгляд бабушки упал на разбитую, горячо любимую кружку, которую еще той зимой подарили ей внуки.

– Ох, паразит! – приговаривала бабка, беря со спинки стула полотенце.

Вася, словно не зная о случившемся, горделиво сидел, уставившись в одну точку, явно собираясь переместиться в более удобное положение. Как над головой свистнуло полотенце.

Кот настолько быстро ретировался в сени, что бабушка успела заметить только исчезающие в дверном проеме задние лапки.

Вслед коту пронеслась куча проклятий: «Гад проклятуший, бесово отродье...!»

Аккуратно собрав осколки, Авдотья поставила самовар и глянула в окно. На улице покрывал дождь. Стояла середина осени. Пожелтевшие листья еще цеплялись за ветви, соседствуя с островками зелени и высохшей коричневой листвой. А где-то уже обнажались голые ветки.

Бабка налила себе чай. Она извлекла из сахарницы кусок рафинада, аккуратно окунула его в горячий настой, а затем, причмокивая, отправила сладкое прямо в рот. Взгляд её застыл в окне, унося мысли куда-то далеко.

Из тяжелых раздумий ее вырвал стук во входную дверь. Бабка держала двери открытыми, однако на ночь плотно запирала и с утра не успела открыть.

– Ну и кто эти сюды припёрси. Кому чаго надо сранья-то?! – начала заводиться бабка, натягивая теплый халат.

– Авдотья открывай! – доносился голос старосты деревни Потапыча.

– Ну чаво, чаво надобно? – бабка открыла дверь, на пороге стоял Потапыч, невысокий мужичок с приветливым лицом. Глаза большие, слегка выпученные, а недостаток зубов придавал речи особую шепелявую мелодичность. «Будто на праздник вырядился», – подумала Авдотья. Староста был одет в теплой шапке с козырьком, куртке, свитере и брюках. Одежда была чистой и хорошо выглаженной. Чуть позади стоял молодой и по бабкиным меркам худенький парнишка высокого роста. Парень был симпатичный: в кожаной куртке на распашку, виднелась голубая рубашка и галстук темно-синего цвета, на ногах были умызганные черные туфли и такие же запачканные деревенской дорожной грязью черные джинсы.

«Какой милявинький», – подумалось бабки.

– Ну, чаго надо? И хто это с тобой? – нарочита хмуро спросила она. Приветливой Евдокия не была, мало ли чё кому надо.

– Авдотья – начал Потапыч. – У нас тут следователь из города приехал.

– Вадим Егоров, старший следователь – представился парень.

– Ну а я при чем тут? – ухмыльнулась бабка.

– Следователь из города. Ему остановиться где-то надобно. А ты у нас всех внуков да детей проводила. Может, приютишь на время, а? Ты прости, что без предупреждения, сами не ждали так скоро. – слегка извиняясь, шепелявил Потапыч.

Глава 2. «Что за чертовщина!»

После того, как Вадим получил задание отправиться в деревню Дымкино для расследования серии таинственных самоубийств. Путь Егорову предстоял ранний, недолгий, но и не легкий. Четвёртый день лил дождь, дорогу порядком размыло.

– Тю, елки-маталки! – ругнулся водитель, после продолжительных попыток выехать из глинистой породы, окутавшей колесо практически полностью, отчего машина накренилась.

– Застряли, елки-маталки! Ну, пошли, посмотрим, что мы можем сделать-то, елки-маталки! – водитель вышел и под нос еще себе что-то бурчал. Егоров разобрал только елки-маталки.

– Раз, два взяли! Раз, два взяли! – попытки никак не увенчались успехом. Машина села, и вытянуть ее мог только толкач. Водитель закурил, а Егоров звонил старосте деревни. У него-то явно машина должна была быть приспособлена для таких дорог, человек –то бывалый в этих местах.

– Ладно, пойду до ветру схожу, елки -маталки. – буркнул водитель. И скрылся в зарослях леса.

Дорога протянулась вдоль раскинувшихся по обеим сторонам еловых лесов. Утренний туман ещё цеплялся за землю. Воздух был свеж, и его холод проникал до самых костей.

Внезапно Егоров заметил, что туман начал густеть и обступать его со всех сторон. В этой молочной пелене раздался жуткий клацающий звук: «Клац-клац-клац». Он приближался, становясь всё отчетливее: «Клац-клац-клац-клац». Егоров замер, пытаясь понять, что происходит, когда звук раздался почти у самого уха. «Клац!» – прозвучало впритык. Он резко обернулся, но там, где мгновение назад ощущалось присутствие, теперь была лишь пустота, заволоченная туманом.

– Ну, пошли в машину, чего тут стоять, мерзнуть? – с этими словами на плечо Вадима упала тяжёлая рука. Егоров обернулся. Улыбающийся водитель смотрел на него. Вадим повернулся обратно, но густого тумана, окутывавшего всё вокруг, уже не было. «Что за чертовщина?» – промелькнуло в голове следователя. В полном недоумении он последовал за водителем и уселся в машину.

– Ну, сколько нам ждать старосту? – вполне веселым и добрым голосом спросил водитель. Эта неожиданная перемена настроения ошарашила Егорова.

В этот самый момент следователь почувствовал, как ослаб ремешок кобуры. Инстинктивно он крепче сжал её, а боковым зрением уловил, что рядом с ним сидит не водитель. Это был явно даже не человек. Его зрачки в горизонтальном положении смотрели прямо, не моргая, на Егорова. «Клац» стукнули зубы, и чудовище медленно раскрыло пасть, обнажив острые, как лезвия зубы, и большие звериные клыки. «Клац...стукнули зубы. На морде нечестии застыла гримаса ненависти и недоумения. «Клац» вурдалак качал головой, скалился и шипел: «Иишь ты! Иишь ты!». Егоров вытащил пистолет. Вурдалак оскалился и резко выскочил из машины. По-звериному в два прыжка скрылся в лесу.

Вадим замер с пистолетом в руках. Он громко дышал, словно пробежал марафон, и никак не мог осознать увиденное. Из кошмара его выдернул голос приближающегося водителя, который эмоционально разговаривал сам с собой:

– Да ятить, елки-маталки...я ее елки-маталки...а она елки-маталки... Вадим дернулся. Сердце бешено стучало в груди, испарена катилась по лбу. Он смотрел на водителя дикими глазами.

– Эй, следователь, кажись, подмога едет, елки-маталки...

3 Глава. Знакомство

Вадим подумал, что Авдотью Никитичну нельзя было назвать «бабушкой-божий одуванчик». В женщине чувствовался суровый характер, но доброе лицо смягчало это впечатление. На вид ей было не больше восьмидесяти лет. На лице виднелись глубокие борозды морщин, на удивление нисколько не портивших Авдотью, а наоборот, добавляя сказочности и мудрости. Бабушка не была худой, скорее женщиной в теле. Маленькие бледно-голубые глаза смотрели с живым интересом, короткие светлые волосы обрамляли курносый носик. Она была невысокого роста. Скорее всего, в молодости Евдокия была очаровательной девушкой. Которая вполне имела популярность у мужского пола.

Авдотья проводила гостя в избу, достала из шкафа свежее постельное белье и вручила Вадиму.

Взгляд следователя отметил, что изба была светлая и чистая. Это было одно просторное помещение, освещенное четырьмя окнами, расположенными по периметру. Мебель была расставлена так же равномерно: в одном углу стояла большая кровать, заправленная на старый манер плюшевым желтым покрывалом, сверху стояли подушки стопкой. Рядом – желтое трюмо с зеркалом. По центру – большой круглый стол с блестящим самоваром. В другом углу стоял телевизор, на тумбочке – сервант с посудой и диван. Дом обогревали две печи: «Русская» – массивное сооружение рядом с выходом, и черная «Галанка» которая служила перегородкой между жилой комнатой и кухней. Кухонька, хоть и маленькая, была функциональна, с окном, выходящим в сени, где виднелась входная дверь. Здесь стояли стол, холодильник и газовая двухкамерная плита. Неподалеку располагался и умывальник. В целом это был очень милый домик, наполненный приятной, умиротворяющей атмосферой. Для урбаниста Вадима всё это было экзотикой. Он отметил, что на душе у него воцарился покой, которого он не ощущал уже очень давно.

– Пошли, мялок, покажу, где спать будешь, – сказала Авдотья. Она провела парня на веранду, где стояли: огромная кровать, стол и кресло. Также вытянутое по периметру длинное окно, завешанное вязаными крючком шторами. – Мои внуки, когда приезжают летом, тут, любят спать, – пояснила она. – Сейчас, конечно, прохладно, но... – Евдокия извлекла из угла обогреватель. – Спи с этим, чтобы не простыть, мялок.

Внезапно двери сеней дернулись, и в них ворвалась еще одна старушка.

– Авдотья, к тебе, говорят, следователя поселили! – с отдышкой произнесла она. Её голос звучал встревоженно. – Я от старосты бягу! У нас еще один висяльник-то! Рязановых парень вчера ночью повесился!

Старушка, сначала не заметила Егорова, лишь потом, когда её взгляд упал на Вадима, сменила тон:

– Ой, батюшки! – запечатала та. – Что творится-то в нашем Дымкино! Что творится-то! Нечисть да погань поганая ходють, людям жить спокойно не дають! Парней наших губяць!

Бабушка была маленькая, похожая на мышку. На ней был темно-синий платок, серенькое платьице, синий свитер, шерстяные носки и шлепки.

– Надобно нам экстрасенсов вызывать. У деревню-то! – старушка злобилась и махала кулачком. – Там Лад Черноватый у шо, он эту погань вмиг приструнит, сам с чертями водится и нас от этой нечисти избавить! Затем она прослезилась и вытерла глаза завязкой платка.

– Степанида! Сказала, что должно? – отрезала Авдотья. – Чаго отсебятину нести-то? Иди, иди отседа! И не бзди тут ерунду всякую!

– А вы ко мне заходите, – елейным голосом игнорируя Авдотью, заговорила Степанида обращаясь к следователю. – Я и пирогами, и блинами вас угощу, и усё, что знаю, вам поведаю.

Мой дом – вот тут, рядом, по соседству. Бабуля указала в сторону двери. – От этой зимой снега не допросишься, а ни то, что пирога! – кивнула та на соседку. Степанида, напоследок замахнувшись на Авдотью приподняв подбородок злобно проговорила: – У жаба старая! – и скрылась за дверью. Евдокия плюнула ей вслед.

4 Глава. Кот

– Ну, узнал чаво ли нет? – сердито вопрошала Авдотья, сверля кота пристальным взглядом.

– Нечистью тянет на всю деревню, – ответил кот и принялся лизать переднюю лапку, словно это было самое обыденное дело.

– Ой, иди ты, бесово отродье! Я и без тебя енто чую. – отмахнулась рукой бабка. Кот поднял голову и посмотрел на неё с неожиданной, пугающей серьёзностью.

– А то, что и следователь наш меченый, тоже чуешь? За версту от него несет, – фыркнул кот. – Повезет если до утра доживет, – в его голосе прозвучала стальная нотка. – Или то, что не в срок висельники ушли... Во всех домах, где они покоятся. Тоже чуешь, бабка? Кот прекратил лизать лапу, его глаза пристально уставились на Авдотью. В воздухе повисла тишина.

– Знать, сегодня ночью посидеть с покойничком Рязановым, да из первых уст узнать, как почил милый, – задумчиво произнесла Авдотья. Кот кивнул.

5 Глава. Будни следователя

День Егорова пронесся быстротечно: осмотр места происшествия, сохранение следов, привлечение понятых. В качестве понятых: староста, помощник старосты (его сын, не похожий на отца парень, черноволосый и черноглазый, высокий, крупный, прямо как из мультика про бычка – вспомнил Вадим «Папаня») и третья понятая – Степанида Ильинична, соседка Авдотьи.

От нее следователь узнал, что с этого лета серия смертей молодых парней пронеслась по деревне, и все как один повесились. Всем убитым не было и тридцати лет. Общее число самоубийц насчитывало четырех человек. И правда, самоубийства носили весьма загадочный характер. Ребята друг друга знали, но друзьями не были: кто-то был женат, кто-то холост, у кого-то были дети, у кого-то нет, кто-то жил в деревне, а кто-то приезжал из города навестить родителей. В общем, жили пареньки свою спокойную обыденную жизнь, как вдруг, не пойми по какой причине стали вешаться. Ни записок, ни разговоров о самоубийстве не было.

– А вы, Степанида Ильинична, больше ничего странного по деревне не замечали? – спросил Егоров, явно вспоминая случай на дороге. – Может, нападения какие были? Может, жаловался кто?

Бабка призадумалась.

– Ой, милоч, у нас тут столько всякого... Разве тут упомнишь! Ты вот с этой «гадиной» Авдотьей поживаешь, у нее поинтересуйся. Она у нас из старожил, усё знает и усё ведает. – бабка наклонилась и произнесла шепотом. – Она у нас и кровь заговорит, и корову кому надо на ноги поставит. Одним словом, ведьма старая. Прости, Господи! – Ильинична перекрестилась. – Но к ней свой подход нужен. Купи колбаски хорошей, она енто страсть как любить. Конфеток купи да печенья. Старуха это уважает, и рюмочку не грех пригубить после баньки-то. Да попроси, пусть на картах погадает. А там уж и выведаешь, чего тебе надобно. Понял? – бабка с прищуром смотрела на Вадима. – Понял, – так же утвердительно ответила Степанида на свой же вопрос, уходя.

Егоров думал, что он дурак, когда шел в магазин. Он думал, что он дурак, когда покупал всё, что сказала Степанида по списку. Он думал о том, что он дурак и что ему ужасно будет

стыдно просить у Авдотьи погадать за презент. Да и где это видано, чтобы следователь по гадалкам ходил...

От своих мыслей Егоров стал пунцовым. Выйдя из магазина, он обнаружил, что уже совсем стемнело. Деревня фонарями похвастаться не могла, и следователь понял, что слегка заблудился и не знает, как ему дойти до дома Авдотьи. На помощь пришел староста, который по пути с Вадимом зашел в магазин за «беленькой» после тяжелого трудового дня.

– До Авдотьи дорога ведет напрямиком через поле, – добродушно повествовал староста. – По прямой пройдешь и там дом увидишь. Так быстрее всего будет.

И хотя Егорову было жутковато идти одному в потемках, в безлюдном пространстве, делать было нечего. Ведь обходить поле и пол деревни Вадим не хотел еще больше. Попрощавшись со старостой, Вадим отправился в путь.

6 Глава. Поле ...

Сельская дорога разделяла два безмолвных черных поля. Лунный свет, бледный и призрачный, лишь отчерчивал зловещие контуры. Слабый луч фонарика Вадима слегка разбавлял мрак. Вадим признавался себе, что никогда не испытывал подобной всепоглощающей жути. Пройдя, казалось, целую вечность, он не мог отделаться от ощущения, что идет не один. Каждый шорох, каждый вздох ветра казался шагами позади – невидимым преследователем, идущим по пятам. Холодок, начавшийся на спине, перерос в ледяные оковы, сковывающие каждое его движение. Следователь вспоминал событие, которое случилось не так давно с ним на дороге, и шел, проклиная и себя, и старосту за то, что выбрал этот путь.

Шаги, которые он упорно игнорировал, теперь казались отчетливыми, неотступно следующими за ним. Нарастающее давление невидимого присутствия стало невыносимым. Вадим, не в силах больше терпеть это чудовищное давление, развернулся и пошел спиной вперед. Это дало лишь мимолетное иллюзорное спокойствие. Дорога была прямая, и Вадим знал, что впереди никаких помех не будет.

– Ну и что, это ты, мялок? Напился до чертиков, что ли? – неожиданно резко, словно вынырнув из темноты, послышался старческий голос.

Вадим вздрогнул и обернулся. Перед ним в лунном свете стояла Авдотья. Под её ногами путался кот. Его силуэт мелькал в полумраке.

– Авдотья Никитична, а вы чего тут... – начал было Вадим, но та перебила его. – Чаго, чаго? За той пошла. Думала, заплутал молодчик. Мне на ночь уходить надо, я покойника у Рязановых провожать буду. Так что давай шустрой, пойдем, доведу до дому, – она призывно махнула рукой и развернулась. Кот, не отставая, последовал за ней.

Вторую половину поля Вадим шел уже с Авдотьей. Ее присутствие, словно некий амулет, действительно облегчило душу парня, отогнав часть всепоглощающего страха. Однако то самое, липкое ощущение, что за ним кто-то следует, невидимый и неумолимый, оставалось тихо сверля его спину.

Вдруг до слуха Вадима донесся голос старосты:

– Оу, следователь, погоди!

Егоров от удивления инстинктивно хотел было обернуться, но прежде чем он успел это сделать, обратил внимание на кота. Тот издал низкое утробное шипение, от которого кровь застывала в жилах. В тот же миг рука Авдотьи, крепкая, словно корень старого дерева, вцепилась в его руку, сжимая с такой силой, что Вадим почувствовал, как хрустнули пальцы. Тихо, сквозь стиснутые зубы прозвучал её шепот:

– Башкой не верти! Ступай, как шел! Ее лицо, освещенное призрачным лунным светом, было таким серьезным и таким пугающим, что Вадим невольно поддался указу бабки.

– Эй, Вадимка, стой! Погоди! – доносился сзади уже отдаленный, но всё ещё настойчивый голос старосты, задыхающийся от бега. – Ты в магазине забыл кое-что! Я за тобой бегу! И догнать не могу! Вадимка, остановись! Обернись хоть раз! Слышишь?! Внимания следователя коснулся тот момент, что староста никогда не формально не называл Вадима. Это насторожило парня.

Кот скалился, шипел – его тело было изогнуто в неестественной дуге. Бабка шла и приговаривала: «Ступай как ступаешь, не вертись». Возможно, не столкнусь на дороге Егоров с нечистью, да не почувствуй сам ужасающий холод страха, он бы повернулся к старосте. Однако всё его естество вопило: это ни староста, ни он!

Пройдя какое-то расстояние, староста должен был их догнать. Однако издали, уже почти затихший, снова послышался его голос:

– Следователь, ну ты чего? Авдотья, погоди, хоть ты постой... Голос старосты звучал расстроено, а затем оборвался.

– Что происходит? – шептал Егоров. Сердце его колотилось где-то в горле, отчаянно пытаясь пробиться сквозь ледяной страх. – Объясните мне...

Но на этом моменте его оборвал голос Степаниды:

– Ох, старая ведьма! А ну стой! Подожди подругу! Следователь, ну остановись. Погодите бабулю! Пожалейте старую!

Авдотья шла молча. Её спина была прямой. Лицо серьезное. Всем своим видом она давала понять: поворачиваться нельзя. Ни в коем случае. Кот, её верный спутник, неистово шипел, извиваясь и крючась у её ног.

И вдруг резкий, словно удар хлыста, прямо над самым ухом Вадима раздалось:

– Ох, растудыть, еле догнала вас... – ухнула Ильинична.

Это было настолько внезапно, настолько близко, что Вадим инстинктивно дернулся, намереваясь резко повернуть голову. Но в тот же миг острые, словно иглы, когти кота вонзились ему в ногу. Вскрик вырвался сам собой.

– Не верти своей башкой, дурень! – злобно рявкнула Никитична. Её голос был полон ярости. – Сдохнешь в поле! Она припечатала это с такой силой, что Вадим почувствовал, как позвоночник его пронзает ледяной озноб.

– Ишшш ты... – прозвенело прямо у Вадима в ухе, и кровь в его жилах превратилась в лед. – Ну, погоди у меня, сука... – злобно зашипел голос сына старосты чуть поодаль. – Ишшш ты, – продолжил голос Степаниды, теперь звучащий как будто с разных сторон одновременно. – Разорву... – закончил голос старосты. Но этот звук был далек от человеческого: он был искажен, наполнен чем-то древним и голодным.

Раздались все звуки разом, в диком неистовом смехе со всех сторон одновременно и сплелись в один невыносимый, хаотичный клубок, надрывающий слух и разум. Вадиму казалось, что все это длится целую вечность. И конца, и края этому не будет.

В голове Егорова ударил молот. Невыносимая пульсирующая боль, словно череп вот-вот лопнет. Шаг... еще шаг... и всё стихло. Резко, будто выключили звук. Егоров огляделся, пытаясь вытряхнуть остатки кошмара. Он вопрошающе посмотрел на старуху, ожидая хоть какого-то объяснения. Та в свою очередь сплюнула и злобно произнесла:

– От погань! – затем добавила. – От дряни в деревни поразвилось, – злобилась бабка.

В полной растерянности и шоке из Вадима вырвался первый вопрос:

– Кто, это черт возьми, такой? Повисла тишина. Не дождавшись ответа, последовал второй: – Авдотья – отчеканил парень. – Чего мы шли, а не бежали? Он же далеко был! – забыв о формальностях, Егоров перешел на «ты». Его голос был нервный и дерзкий.

Никитична усмехнулась. В её смехе не было веселья. Лишь мрачное знание.

– Куда ты бежать от него собрался дурень? – её голос стал выше, но в нем прозвучала обреченность. – Он всё это время аккурат подле тебя шел. Сзади. Всю дорогу. Вадим опешил и на секунду замер. А бабка добавила с нажимом:

– Упырь енто, – отрезала бабка, её взгляд стал жестким, как камень. – Ырка.

– Ырка? – вопросительно повторил Вадим, словно плохо расслышал.

– Дохляк, что сам себя убил – пояснила Евдокия. Её слова были сухими и отрывистыми. Её взгляд метнулся куда-то вдаль. – Всё. Давай до дому. Некогда мне с тобой, меня Рязановы ждут.

Вадим мог поклясться, что прошла вечность, что солнце вот-вот должно было показаться из-за горизонта. Они шли, казалось, всю ночь. Но, как выяснилось по часам, прошло всего двадцать минут.

Глава 7. Разговор с покойничком

Осенняя ночь в деревне обволакивала всё плотным, влажным покрывалом. Воздух был густым, пахнувшим прелой листвой, сырой землей и где-то вдалеке – дымом из остывающей печи. Авдотья Никитична в сопровождении своего неизменного черного спутника – кота Василия, шла сквозь деревенскую тьму. В кромешной темноте кот становился лишь сгустком тени, и случайный наблюдатель мог бы решить, что старуха спятила и разговаривает сама с собой, блуждая в ночи.

– Увидел? Кто Ыркой стал? – спросила Евдокия. Её голос был едва слышен, словно растворяясь в тишине.

– Это был паренек Воронцовых, тот, что предпоследний повесился, – поведал кот.

Бабка, не отвечая, направилась к дому Рязановых. Еще днем она обещала семье, что придет на ночное бдение. Дверь им открыла убитая горем мать. Её глаза были красны от слез, а отец стоял рядом, сломленный. Они отдали старухе ключи, сбивчиво уверяя, что утром придут и сменят её.

Изба дышала древностью. Тяжелые, потемневшие от времени бревна стен, казалось, хранили в себе отзвуки прошлых жизней. Воздух здесь был неподвижен и тяжел, пропитан запахом ладана и чего-то неуловимо гнилостного. Авдотья увидела покойного. Он лежал в гробу, покоившемся на трех массивных табуретах посреди комнаты, словно черный алтарь. Парень был молод. На его лице застыло выражение некоего умиротворения, словно он просто уснул, и даже серый костюм, в который его нарядили, казался слишком обыденным для такого трагического финала.

Старушка, не проронив ни слова, задернула занавески, погрузив комнату в еще более глубокий мрак. Затем зажгла единственную свечу, отбрасывающую пляшущие тени на стены. Чуть погодя она открыла дверь, и в дом вошел кот.

Дождавшись «ведьминого часа» – времени, когда связь между миром живых и мёртвых ослабевает, позволяя душам вернуться на землю, – Авдотья взяла трепетно мерцающую свечу и старинное зеркало, вынутое из кармана платья. Сама ночь при этом казалась сгущённым мраком. Подойдя к покойному с головы, она осторожно расположила зеркало так, чтобы в его потускневшем отражении увидеть лицо усопшего. Лунный свет, пробивающийся сквозь неплотно задернутые шторы, лишь усиливал таинственность момента. Кот Василий, черный как ночь, молча наблюдал. Его глаза горели в темноте, словно два уголька.

Авдотья, понизив голос до ласкового шепота, обратилась к безмолвному телу: – Алешенька, милый... На том свете-то говорят покойнее. Да только зачем же ты так? Отчего же на петлю полез? В ответ лишь тягучая тишина, нарушаемая потрескиванием фитиля свечи.

Прошло несколько минут, и тьма в избе сгустилась. Казалось, она ожила. И вдруг, в отражении зеркала, которое держала Авдотья, произошло нечто пугающее. Хоть лицо Алёшеньки

оставалось неподвижным, однако губы покойного, до этого застывшие в вечном покое, начали шевелиться. Медленно, неестественно, словно подергиваемые невидимыми нитями, они дергались в разные стороны, придавая лицу мертвеца жуткое подобие жизни.

– Ааааа... – тихий, еле слышный стон, полный невыносимой тоски, вырвался из бездвигных губ.

Евдокия замерла, её сердце заколотилось быстрее. Она ждала.

– Здравствуй, Авдотья Никитична... – протянул умерший. Его голос был хриплым, скрипучим. В нем ощущалась чужая, нечеловеческая интонация. В глазах кота разница была разительной: отражение в зеркале оживало, двигая губами, в то время как настоящее тело, лежащее в гробу, оставалось чуждым всякому движению. Слова мертвеца не дрогнули Авдотью. Она медленно подняла свечу, направляя дрожащий свет на отраженное в зеркале лицо.

– Алешенька, касатик, – её голос оставался ласковым, но в нем появилась стальная нотка, – неужто сам, горемыка, с жизнью справился? Али кто тебя довел до конца такого?

В отражении губы покойника снова шевельнулись, медленно, вытягиваясь в подобие кривой усмешки.

– Довел... – протянул покойный на выдохе.

– Кто? – вопрошала Авдотья. Её рука, держащая свечу, слегка дрогнула.

– Скажет тот, кто помечает, – голос стал ниже, словно из преисподней.

– А кто ж помечает, Алешенька? – вопрошая Авдотья приблизилась. Старушка уже плохо слышала, а покойный говорил очень тихо.

– С-с-староста... – проговорив это, челюсть мертвеца задергалась и застучала с невероятной скоростью, словно покойного пронзил дикий холод.

В этот момент кот Василий, до этого молчаливый наблюдатель, издал низкое, прерывистое рычание. Его взгляд был прикован к окну, задернутому шторами, где, казалось, ничего не было, кроме непроглядной тьмы.

Авдотья быстро повернулась. Сначала – глухой удар в окно. Затем еще один, сильнее. Тут же послышалось настойчивое постукивание в дверь, перешедшее в барабанную дробь. И снова – удар в другое окно, за которым последовал целый град ударов. В двери и окна заколотили с такой яростью, что казалось, дом вот-вот рухнет. Кот издал звук, похожий на сдавленный скулеж.

Внезапно свеча в руках Авдотьи ярко вспыхнула, а затем почти погасла, отбросив на стены угловатые пляшущие тени. Старушка, обеспокоенно прикрывая огонек ладонью, проговорила: «Нехорошо...»

Затем вновь поднесла зеркальце к Алёшеньке. В тусклом свете, отражения, лицо покойника исказилось. Теперь это была не просто неестественная подвижность губ, а живое, искаженное гримасой агонии лицо.

В зеркале, которое Авдотья все еще держала, произошло нечто невыносимое. Глаза покойного, два мутных безжизненных озера, распахнулись. Они уставились прямо на нее, не отрываясь, полные такой нескрываемой животной злобы, что, казалось, само отражение начало пульсировать.

– Е-е-есть... – проскрипел мертвец, и его голос, теперь уже не шепот, а скрип ржавых петель, заставил воздух сгуститься. Авдотья отшатнулась.

Тем временем снаружи стук в двери и окна становился все настойчивее, превращаясь в безумный панический танец. Кот Василий, оцетинившись, шипел так, словно пытался вырваться из собственной шкуры.

Внезапно тело мертвеца в гробу задергалось. Ни плавно, ни естественно, а как марионетка, чьи нити дергают в бешенстве. Руки, до этого покоившиеся на груди, поднялись с отвратительным скрежетом опираясь о край гроба. Авдотья отшатнулась, выронив зеркало. Оно с

глухим стуком упало на пол и разбилось. Она начала шептать заговор, слова слетали с ее губ, словно отчаянная мольба.

Мертвец, сотрясаясь всем телом, вылез из гроба. Каждый его шаг сопровождался звуком, похожим на треск ломающихся костей. Авдотья шептала усиленно, её голос становился все более дрожащим, пока не раздался новый звук – смех. Не человеческий смех, а какой-то клокочущий, булькающий звук, исходящий из груди поднявшегося мертвеца. Он скрежетал и смеялся, знаменуя бесполезность заговора Авдотьи. Его взгляд, все еще обращенный к старушке, горел нечеловеческой насмешкой. Шерсть кота встала дыбом, превращая его в клубок угрозы. Из глубины груди вырвалось низкое горловое рычание, и он замер, готовый к атаке.

Покойник медленно, но неумолимо начал приближаться. Его губы растянулись в жуткой нечеловеческой гримасе. Смех эхом раздался по избе, смешиваясь со стуком снаружи и шипением кота.

Окна разом распахнулись с таким грохотом, будто в них ударила стая призрачных птиц. В зияющих проемах показались руки: мертвенно-бледные, скрюченные, с обломанными ногтями. Следом распахнулась и входная дверь, словно ее выбила неведомая сила. На пороге показались руки, ноги... что-то мертвое, искаженное. Оно медленно, с отвратительным хлопаньем начало заползать в избу.

Кот Василий издал такой вопль, что казалось, он стал похож на захлебывающийся от ужаса писк. Его глаза горели в полумраке, отражая ужас, который застыл на лице Авдотьи. Старушка приготовилась была встретить неизбежное – скорую и ужасную кончину.

И тут...

Раздался первый звонкий крик петуха. Не просто крик – спасение. За ним, подхватив, грянули другие со всех сторон деревни. Первый петух озаменовал утро, рассвет и, как оказалось, спасение для Авдотьи и Василия.

Там, где только что были руки, теперь царил пустота. Так же медленно, как эти мертвые конечности пытались заползти в дом, они начали отступать. С явным нежеланием, с противным скрежетом, словно невидимые нити тащили их обратно.

Алёша, до этого стоявший во весь рост, начал медленно, задом наперед, возвращаться в гроб. Его ноги подогнулись, затем тело опустилось, пока он не принял позу, в которой лежал в начале – умиротворенно спящий, будто ничего не произошло.

Авдотья, обессиленная, прислонилась к стене, наблюдая за этой сюрреалистической картиной. Кот Василий перевел дух и не отводя взгляда от покойного, проговорил:

– Отбились бабка.

Глава 8. Тайное станет явным

Авдотья тихонько отворила сенную дверь. Сердце разом сжалось, но тут же отпустило – следователь сладко спал, окруженный полумраком.

– Жив, – шепотом выдохнула она, облегченно оглядывая его.

– Конечно жив, – промурлыкал кот. Его голос звучал раздраженно. – Вся нечисть сегодня была занята.

Миновав спящего следователя, бабка и кот прошли в избу. Изнутри веяло тишиной. Предрассветная прохлада казалась целительной. Авдотья взяла из холодильника молоко, щедро плеснула коту, а себе налила холодного чая, чтобы смочить пересохшее горло.

– Ты слышала, что покойник сказал? – задал риторический вопрос Вася, а затем задумчиво добавил. – Про то, что староста помечает? И главное – как?! – удивленно воскликнул тот. – Я, как кот, знаю только один способ метить. – Он посмотрел на Авдотью. В этот момент, как будто по команде, их воображение нарисовало настолько абсурдную и впечатляющую кар-

тину, что они не выдержали. Громкий смех вырвался из их груди, словно измученный стресс после прожитой ночи наконец-то нашел себе выход.

– Да и у него не спросишь, – продолжила Евдокия. – Как пить дать, прибьет. – Одно хорошо: пока наш меченый «касатик» жив, новых жертв не будет. Так что за следователем – глаз да глаз. Понял? Своей шкурой отвечаешь!

В этот момент дверь избы распахнулась, и на пороге появился следователь. Его взгляд был диким, глаза бегали, словно выискивая врага.

– Это вы с кем разговариваете? – начал он на «вы», а закончил на «ты» сам того не заметив. Егоров с трудом удерживал равновесие. – И с кем в сенях...? – он не продолжил, потому-как крутил головой и не мог понять где источник голоса.

Авдотья с удивлением посмотрела на него.

– А ты чаво, ендю слышишь? – спросила бабка, не веря своим ушам.

– Кого я слышу? С кем ты, черт возьми, говоришь?! – Следователь сжался, словно от удара. – Эта чертова деревня с ума меня сведет! Или уже свела? – Он вдруг осел на диван, схватившись за голову.

– Конечно, он слышит меня и нечисть видит, – спокойно промурлыкал кот. Его голос звучал будто из-под земли. – Он же меченый. Одной ногой в могиле. Между миров, как мы с тобой, ходит, и явь, и навь видит.

Следователь от удивления вылупил глаза на кота. – Э... э... это, что кот говорит? И... и я его слышу? – Он резко встал с дивана и подошел к коту, словно пьяный.

– Эй, ей, ей! Я попрошу! – отстранился кот, почувствовав резкое приближение. Егоров же стоял, словно замороженный, с выпученными от удивления глазами и приоткрытым ртом. На мгновение он замер, затем медленно прикрыл рот рукой, перевел взгляд на Евдокию и прохрипел: – Авдотья, это что, шутка какая?

Не дожидаясь ответа, его ноги подкосились, и он рухнул в обморок прямо на ковер.

Глава 9. Явь и Навь

Егоров пришел в себя не сразу. Голова гудела, а мир вокруг казался зыбким и ненадежным. Рядом сидели Авдотья и кот Василий, чьи голубые глаза внимательно наблюдали за каждым его движением. Следователь поднялся и присел на диван. В висках все еще чувствовалась пульсирующая боль.

– Ну, объясните мне все, что здесь происходит. – уже довольно спокойно потребовал Вадим. Евдокия, неторопливо плеснув себе в кружку крепкого чая, устроилась на своём любимом месте у окна. Она начала первой. Её голос был ровным и спокойным.

– Ты, мялок, не сядись на бабушку-то. О том, что кот мой Васька, разговаривать умеет, это простому люду и не слышать. Скажи кому, дак за сумасшедшую примут. Кот у меня помощник, я без него, как без рук. А то, что дар у меня имеется, дак ендю и так все знают. День через день к моей избе бегают: то зуб заговорить, то корову полечить... – Она махнула рукой, будто отгоняя назойливые воспоминания.

– А ты у нас, Вадимка, не простой нынче человек, – продолжил кот. Его голос звучал с неожиданной серьёзностью. – Ты – меченый. – Василий внимательно, будто сканируя, посмотрел на Егорова. – Про Навь и Явь слышал?

Следователь отмахнулся. В его глазах промелькнула усталость: – Ой, да я уж и не помню... Что-то из фольклора старославянского, кажется.

– Явь – это то, что происходит открыто, на глазах у всех, – терпеливо пояснил кот, не сводя с Вадима своих голубых глаз. – А вот Навь... Навь – это мир скрытого, невидимого, мистического. Мир, в котором обитают не только нечисть, но и мудрость предков, тайные знания. Там еще Правь и Славь есть, но тебе это пока не нужно. – добавил Василий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.